

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/25/21

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юрий Владимирович Деришев¹

¹ Сибирский юридический университет, Омск, Россия, derishev.omsk@mail.ru

Аннотация. На заседании диссертационного совета 03.2.008.02, созданного на базе федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» прошла защита диссертации Чабукиани Оксаны Алексеевны «Теория следственной деятельности: понятие функции, пути совершенствования», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки). Диссертационный совет констатировал, что диссертация Чабукиани Оксаны Алексеевны «Теория следственной деятельности: понятие функции, пути совершенствования» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в сфере уголовного судопроизводства. Диссертационное исследование соответствует требованиям пунктов 9–11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 11.09.2021, 26.09.2022 и 26.01.2023 гг.), а его автор – Чабукиани Оксана Алексеевна заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки). Статья представляет собой отзыв официального оппонента, в котором подвергнуты анализу основные положения диссертации О.А. Чабукиани.

Ключевые слова: концепция досудебного производства, теория следственной деятельности, теоретические основы предварительного расследования, доктрина предварительного следствия

Для цитирования: Деришев Ю.В. Актуальные проблемы теории современной следственной деятельности // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 125–131. doi: 10.17223/23088451/25/21

Review

doi: 10.17223/23088451/25/21

CURRENT THEORETICAL ISSUES IN MODERN INVESTIGATIVE PRACTICES

Yuriy V. Derishev¹

¹ Siberian Law University, Omsk, Russian Federation, derishev.omsk@mail.ru

Abstract. Criminal justice has long been one of the most contentious spheres of human relations, with its evolution – particularly within the continental legal model and especially in its Russian iteration – primarily reflecting the transformation of its pretrial phase. This stage has undergone frequent modifications, continually generating new theoretical and practical challenges. Notably, Russia's institution of preliminary criminal investigation has followed an exceptionally complex and contradictory developmental path. These changes have prompted criminal procedure scholars to seek optimal procedural and functional-legal frameworks for pretrial proceedings. Recent reforms, however, have yielded less than optimistic outcomes, including the absence of a scientifically grounded, forward-looking model for pretrial system improvement; systemic imbalances in Russia's judicial reforms that have left pretrial procedures lagging behind other criminal justice institutions; a predominance of quantitative over qualitative enhancements in pretrial agencies' work; and disproportionate emphasis on judicial independence while maintaining the investigative bodies' strict departmental subordination – creating avenues for external influence on judicial decisions through vulnerable investigators. Further complications include the historical depersonalization of investigators as professional prestige declines; inadequate organizational-legal support for implementing new legislation despite high enforcement costs; persistent legal nihilism among officials who prioritize socially expedient outcomes over proper legal procedures; and the lack of constructive dialogue between academia and policymakers, resulting in legislators' insufficient engagement with recent theoretical advances for improving criminal justice.

Keywords: concept of pretrial proceedings, theory of investigative practices, theoretical foundations of preliminary investigation, doctrine of preliminary investigation

For citation: Derishev, Yu.V. (2025) Current theoretical issues in modern investigative practices. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 125–131. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/21

Человеческая цивилизация со всей очевидностью столкнулась с новыми вызовами и противоречиями достаточно глобального масштаба. В принципиальной схватке сошлись силы добра и зла, традиционных человеческих и правовых ценностей и «миропорядка, основанного на правилах». Во многом меняются оценки культурного и религиозного наследий, каноны нравственности и справедливости, образования и воспитания, основ человеческих отношений. Разрушаются привычные зеркала, в которых человечество видело свое прошлое, настоящее и будущее... Отдельно и очень остро стоит вопрос о взаимной ответственности личности и государства, о роли права в современных условиях мироздания.

Более того, современные угрозы колоссальным бременем накладываются на застарелые нерешенные проблемы, в том числе правового порядка. Вместе с тем почти двадцать лет назад на аналогичном диссертационном уровне был защищен ряд концептуальных положений, которые также констатировали сохранение «деструктивных процессов, происходящих в мировой цивилизации, где Россия, с ее перманентными государственно-правовыми экспериментами и вековыми противоречиями, столкнулась с проблемой определения оптимальных путей дальнейшего развития».

Таким образом, кризис не только затянулся, он вышел на новый, более радикальный виток, поставивший под угрозу все достижения человеческой цивилизации. Одной из самых горячих сфер человеческих отношений, как известно, всегда считалось уголовное судопроизводство, эволюция которого (конечно, применительно к континентальной модели, особенно отечественной его организации) – это главным образом история его досудебной фазы: именно она чаще всего претерпевала изменения, ставя при этом все новые и новые теоретические и практические проблемы. При этом необходимо особо отметить, что именно в России институт предварительного расследования преступлений прошел довольно сложный и противоречивый путь становления и развития. Соответственно реагировала на эти изменения и уголовно-процессуальная наука, ведя поиск оптимального процедурного и функционально-правового построения уголовного досудебного производства.

Отмечая двадцатилетие действия УПК РФ и шестидесятилетие функционирования следственного аппарата органов внутренних дел, научная и правоприменительная общественность в большей части дала объективную и принципиальную оценку эффективности современного отечественного уголовно-процессуального законодательства, в том числе по регулированию досудебного производства по уголовным делам.

Высказанные суждения особо подчеркнули не столь оптимистические результаты реформ последних лет, среди которых следует отметить: отсутствие у государства достаточно обоснованной перспективной модели построения и совершенствования уголовного досудеб-

ного производства; дисгармонию разворачивания судебно-правовой реформы в России, в результате которой досудебное производство в своем правовом развитии отстает от других институтов уголовного судопроизводства; преобладание экстенсивного пути совершенствования деятельности органов досудебного производства; одностороннее укрепление независимости суда при одновременном игнорировании «полной ведомственной подчиненности» органов предварительного следствия, сохраняющей открытым канал воздействия на судебные решения через доступного для постороннего вмешательства и влияния следователя; историческое обезличивание процессуальной фигуры следователя при нарастании тенденции дальнейшего падения авторитета и престижности следственной профессии; отставание организационно-правового обеспечения реализации нового законодательства при высокой затратности правоприменения; устойчивое сохранение правового нигилизма должностных лиц уголовного судопроизводства в виде установки на достижение социально значимых результатов при предельно минимальном использовании юридических средств и возможностей в правоприменительной деятельности; отсутствие взвешенного компромисса между научным сообществом и государством и, как следствие, недостаточная востребованность законодателем появляющихся в последние годы теоретических разработок по направлениям совершенствования уголовного судопроизводства.

Действительно, *расследовательский аппарат страны* продолжает откровенно лихорадить. Сохраняется высокая степень размытости профессионального ядра, обострились проблемы внешних и внутренних взаимоотношений сферы уголовного досудебного производства, остается крайне противоречивым принципиальный вопрос о соотношении процессуального контроля и надзора за законностью и обоснованностью следственной деятельности и др. На фоне иных негативных процессов, происходящих в стране и мире, угроза окончательной утраты профессионального предварительного расследования стала вполне очевидной.

Как представляется, наступил своеобразный «момент истины», когда процессуальной науке уготована особая роль: освободившись от узковедомственных и сиюминутных амбиций, найти и предложить государству единственно верные шаги по оптимизации уголовного досудебного производства. При этом не менее очевидно, что теоретической платформой для рассматриваемых проблем всегда выступало наличие единой парадигмы, не только принимаемой и разделяемой научным сообществом, но и объединяющей большинство его членов. Иными словами, внутри научного сообщества также нужен компромисс, более или менее единое видение собственной теоретической концепции, в частности, процедурного и функционально-правового построения уголовного досудебного производства.

В связи с этим смелое стремление Оксаны Алексеевны Чабукиани представить научному сообществу разработанную *теорию следственной деятельности* в качестве частной теории уголовно-процессуального права принципиально означает **актуальность темы исследования, сам выбор которой объективно определяет получение серьезного научного продукта.**

В свою очередь, это также детерминирует **научную новизну, оригинальность представленного исследования и достигнутых теоретических результатов.** При этом необходимо отметить, что **самобытность данной работы проявляется также рядом оригинальных авторских теоретических шагов О.А. Чабукиани,** в результате которых сформулированы понятия следственной деятельности [1. С. 92–138, 376] и теории следственной деятельности, определены ее предмет, метод правового регулирования и структура [1. С. 19–20, 116, 92–137, 373, 552]; дано авторское определение следственной деятельности в различных моделях уголовного судопроизводства [1. С. 25, 138–165]; определены особенности процессуального статуса *субъекта юридической обязанности доказывания*, объем и содержание процессуальных полномочий такого субъекта в различных моделях уголовного процесса [1. С. 26, 138–165]; указаны методы правового регулирования следственной деятельности в зависимости от модели, типа и вида построения такой деятельности [1. С. 92–137].

Достаточно высокой степенью научной новизны и оригинальности обладает аргументация О.А. Чабукиани, лежащая в обосновании вывода о наличии четвертой модели уголовного судопроизводства (наравне с розыскной, состязательной и смешанной), а именно протекционной, в которой основной объем прав и полномочия по принятию процессуальных решений по уголовному делу возлагаются на сторону защиты [1. С. 24, 135, 162–164, 369, 381–382].

Представляют несомненный научный интерес предложения соискателя, касающиеся предпосылок реформирования процессуального статуса следователя как субъекта юридической обязанности доказывания для достижения состязательного типа уголовного судопроизводства [1. С. 138–165].

Так, по утверждению О.А. Чабукиани, «субъектом юридической обязанности доказывания в рамках предварительной следственной деятельности является следователь, в рамках судебной следственной деятельности – суд» [1. С. 138]. При этом автор, констатируя, что выбранная модель уголовного судопроизводства влияет на объем процессуальной самостоятельности следователя, приходит к выводу об отличии содержания следственной деятельности в разных моделях уголовного судопроизводства. Так, «в состязательной модели для определения истины следователь обязан установить все обстоятельства деяния (как уличающие, так и оправдывающие), а также принять все необходимые меры, направленные на восстановление нарушенного права либо возмещение причиненного ущерба потерпевшему» [1. С. 165]. Отсюда принципиальный вывод соискателя о том, что «эти полномочия исключают сле-

дователя из функции обвинения, а равно и из разрешения дела» [1. С. 165]. Это важное методологическое резюме позволяет О.А. Чабукиани предложить пусть и не бесспорную, но теоретически значимую концепцию: «помимо общепризнанных трех основных функций выделяем четвертую – функцию формирования доказательств (доказывания), которая в состязательной модели позволяет обеспечить равенство сторон в предоставлении сведений, в последующем преобразуемых субъектом юридической обязанности доказывания в доказательств» [1. С. 24–25, 165–166, 382].

Также **отличаются оригинальностью и в силу предложенной аргументации являются убедительными суждения и оценки О.А. Чабукиани,** касающиеся тенденций и направлений развития теории следственной деятельности как частной теории уголовного процесса, а также предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в исследуемой области [1. С. 314–369].

Обогатили арсеналы уголовно-процессуальной теории новые научные результаты, полученные О.А. Чабукиани при исследовании метода правового регулирования следственной деятельности, который, по мнению автора, «характеризуется системным построением, обусловленным особенностями регулируемых уголовно-процессуальных отношений, и в каждой их относительно самостоятельной группе может проявляться в различном сочетании способов и приемов правового воздействия: обязывания, запрета, принуждения, дозволения, рекомендаций, поощрения, согласования» [1. С. 21].

При этом автор выделяет **семь групп правоотношений,** возникающих в процессе следственной деятельности: между следователем и участниками со стороны защиты; между следователем и участниками со стороны обвинения, не наделенными властными полномочиями; между следователем и участниками стороны обвинения, наделенными властными полномочиями; между следователем и судьей; между следователем и иными участниками уголовного процесса; между участниками стороны обвинения и защиты при контроле их поведения следователем, имеющим властные полномочия; между участниками, выполняющими функции обвинения и защиты, и иными участниками уголовного процесса при установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, при контроле их поведения следователем, имеющим властные полномочия [1. С. 21–23, 102–111, 135–136, 378–379].

Такой оригинальный подход О.А. Чабукиани позволил дать новую интерпретацию объекта и предмета следственной деятельности, рассмотреть ее через теорию правоотношений, во взаимосвязи и взаимозависимости как единый концептуальный блок вопросов.

Сказанное в полной мере указывает на **высокую теоретическую и практическую значимость представленного исследования.**

Как представляется, **теоретическое значение работы заключается в решении крупной научной про-**

блемы – разработке актуальной и востребованной теории следственной деятельности в рамках исторических моделей эволюционного развития отечественного уголовного процесса. Наряду с тем, что автором **достаточно обстоятельно доказана необходимость выделения частной теории уголовного судопроизводства – теории следственной деятельности**, в результате комплексного исследования выделены ее системообразующие элементы, доказана система построения, наличие предмета и метода правового регулирования; выявлены закономерности выбора типа уголовного судопроизводства и объема процессуальных полномочий следователя и судьи как субъектов юридической обязанности доказывания; обозначены перспективные направления развития российского досудебного производства с учетом эволюции и особенностей национального законодательства, определены пути совершенствования структуры следственной деятельности.

Безусловно, **полученные научные результаты оказывают серьезное позитивное влияние на развитие уголовно-процессуальной науки, теории доказывания**, расширяя опыт представлений о функционально-правовом построении уголовного досудебного производства, его принципах и моделях, формах и функциях, субъектном составе и процедурном режиме. Представленное исследование позволит решить многие теоретические проблемы, в частности, в какой-то мере восполнить отсутствие у государства стройной теоретической конструкции организации и процедур следственной деятельности.

В связи с этим **достаточно заметна практическая значимость исследования**, которое позволяет использовать полученные теоретические наработки для оптимизации прикладной деятельности органов предварительного расследования, субъектов, осуществляющих судебный контроль и прокурорский надзор, а также оперативно-розыскную деятельность. Полученные теоретические результаты, бесспорно, востребованы в методике преподавания в юридических вузах страны дисциплин, тесно связанных с уголовным судопроизводством в целом, и организацией следственной деятельности в частности.

Достоверность, обоснованность и убедительная аргументация научных положений, выводов, оценок и рекомендаций, частных и общих результатов исследования, проведенного О.А. Чабукиани, не вызывает сомнений и полностью подтверждается анализом использованных автором методик, внушительным теоретическим и нормативным материалом и сформированной автором эмпирической базой.

Работа над докторской диссертацией опиралась на диалектическую методологию, познание правовых явлений уголовного судопроизводства осуществлялось с позиции системного и междисциплинарного подхода (например, при изучении моделей и типов уголовного судопроизводства, определении сущности правосудия через критические взгляды и выявляемые противоречия). Широко применялись также общенаучные методы познания, например, системно-структурный метод, функциональный подход и общелогические приемы познания: анализ и синтез (например, для определения

предлагаемых научных тезисов, а равно формулировок возможных изменений и дополнений действующего законодательства); социологический (при сборе эмпирической базы исследования); абстрагирование (например, для определения понятий, используемых в ходе исследования, и выработки доказательственной базы для определения новой модели уголовного процесса), а также обобщение; индукция и дедукция; аналогия и моделирование; методы чувственного (эмпирического) и рационального уровней познания. Так, использование системно-структурного метода дало автору возможность раскрыть сложную организацию следственной деятельности, выделив ее предмет и структуру, а также метод правового регулирования.

Необходимо отметить, что наиболее плодотворные результаты исследования получены благодаря применению метода сравнительно-исторического анализа (в совокупности со сравнительно-правовым методом), что позволило в полной мере выявить закономерности и типологии эволюции как самой следственной деятельности, так и ее теории. Именно обращение к истории дало возможность автору исследовать процессы создания и реформирования отечественного следственного аппарата неразрывно с этапами развития государства и права России.

При подготовке диссертационного исследования широко использовались нормативно-правовые акты международного характера, действовавшие на различных исторических этапах становления российского государства до настоящего времени, а также научная литература по различным отраслям знаний.

Эмпирическая основа исследования представлена результатами анализа следственной и судебной практики; изучением 490 уголовных дел, находящихся в производстве следователей различных подразделений Санкт-Петербурга и Ленинградской области; анкетированием 250 следователей Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Следственного комитета Российской Федерации; исследованием обзоров и статистических данных состояния преступности правоохранительной системы Российской Федерации, сведений, полученных в результате изучения судебно-прокурорско-следственной практики, а также личным опытом работы старшим следователем следственного отдела при УВД на Петербургском метрополитене.

Приведенная информация в полной мере свидетельствует о достоверности достигнутых научных результатов и их репрезентативности.

Так, опубликованные О.А. Чабукиани по теме диссертации научные работы отличаются актуальностью, проблемностью и посвящены важным в теоретическом и прикладном плане аспектам. Основные положения работы получили апробацию в 4 монографиях, 57 публикациях в рецензируемых научных изданиях, в том числе 19 статьях, изданных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований, 23 выступлениях

автора на конференциях, круглых столах, из них 11 международных, 10 всероссийских, 2 региональных.

Впечатляет и объём использованных научных источников: 1205! В их числе не только нормативные акты, но и судебная практика, литература на иностранном языке, диссертации и авторефераты по основным вопросам в рамках избранной темы.

Основные положения и результаты исследования О.А. Чабукиани широко используются в организации предварительного расследования правоохранительных органов Российской Федерации, а также в образовательном процессе юридических вузов страны.

Докторская диссертация О.А. Чабукиани содержит совокупность новых научных результатов, имеющих внутреннее единство, вкпе свидетельствующих о завершенности работы, ее самостоятельности и личном крупном вкладе автора в уголовно-процессуальную науку. Работа написана хорошим литературным и научным языком, выдержана стилистически, ее оформление и внутреннее содержание полностью отвечают требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Автореферат диссертации адекватно отражает главные цели и содержание исследования, идеи и выводы автора.

Вместе с тем как любой фундаментальный научный труд, охватывающий обширный круг злободневных проблем теории и практики уголовного судопроизводства, представленная О.А. Чабукиани докторская диссертация не осталась свободной от отдельных дискуссионных положений, требующих дополнительной аргументации авторских выводов, некоторых дополнений и уточнений, которые в том числе носят *методологическое, доктринальное или концептуальное значение*.

1. Научное значение полученных О.А. Чабукиани результатов, как уже отмечалось, определяется разработкой и убедительным обоснованием авторской концепции теории следственной деятельности, ее эволюционного развития и путей оптимизации отечественного уголовного судопроизводства в рамках уголовного досудебного производства, что вполне объяснимо потребовало от автора комплексного фундаментального исследования данных проблем. Как представляется, возможно, именно этот подход побудил автора к достаточно широкому использованию в исследовании *метода прогнозов и альтернатив, что привело в итоге к некоторым пробелам при формировании выводов исследования*. Все приведенные ниже соображения в той или иной степени связаны именно с проблемой *авторской недосказанности* по решению ряда концептуальных вопросов.

2. Приводя периодизацию эволюции системы и организации предварительного расследования, автор утверждает, что новый этап развития, который обозначен как *федеральный (конституционный) с отказом от европеизации норм международного права*, начался именно 24 февраля 2022 г. Действительно, отдельные исследователи восприняли начало специальной военной операции как реализацию сценария «бунта против сложившейся модели миропорядка» (В.В. Лопалева, В.М. Межуев), с чем скорее всего следует согласиться. Вместе с

тем представляется, что отказ от европеизации (в принципиальной борьбе с его сторонниками) *начался несколько раньше с пониманием его ущербности*, хотя эти процессы не были последовательны, в том числе при реформировании уголовно-процессуального права («недообъединение» следственного аппарата, непреодоление тенденции на слияние предварительного следствия и дознания, «кутерьма» с определением места прокурора в досудебном производстве и т.п.).

Вместе с тем проведенный сравнительно-исторический анализ должен был позволить автору ответить на принципиальный вопрос: *в какой модели сейчас существует отечественное предварительное расследование* (сохранилось ли *предварительное следствие* или только его название, можно ли говорить о *прокурорском или полицейском расследовании*, каково назначение *дознания* и т.п.).

3. «Концептуальнообразующим» выводом диссертанта и постоянной «красной строкой» исследования проходит идея о выделении помимо общепризнанных трех основных функций уголовного судопроизводства (обвинения, защиты и разрешения дела) *четвертой функции* – «функции формирования доказательств (доказывания), которая в состязательной модели позволяет обеспечить равенство сторон в предоставлении сведений, в последующем преобразуемых *субъектом юридической обязанности доказывания* в доказательства» [1. С. 23, 145–146, 165–166 и др.].

Более того, автор напрямую ставит условие *признания наличия четвертой основной функции процесса* – доказывания с обеспечением демократизации, гуманизации и публичности досудебного производства, а также высказывает опасение (вновь предлагая *альтернативу*), что в противном случае (непризнание этой функции) реформирование уголовного досудебного производства в плане освобождения его от розыскных начал пойдет по иному пути [1. С. 166, 346].

В связи с этим возникает ряд суждений. Во-первых, аксиома, высказанная Иеремиа Бентамом еще на рубеже XVII–XVIII в., о том, что искусство судопроизводства – это искусство пользоваться доказательствами, остается предельно актуальной, как и позиция профессора Леонида Евстафьевича Владимирова, который считал, что главное содержание любого УПК – это доказывание. Иными словами, судопроизводство, в том числе и его досудебная фаза, – и есть *доказывание!* А это и обвинение как движущая сила состязательного процесса, и защита от выдвинутого обвинения, и, безусловно, разрешение уголовного иска судом! Как эти функции могут существовать вне процесса доказывания? Что тогда входит в содержание предлагаемой параллельной четвертой функции? Во-вторых, *как, на каком уровне должна быть признана данная четвертая функция*, к чему неоднократно призывает О.А. Чабукиани?

4. Более того, увлеченность соискателя идеей признания *функции доказывания* в качестве автономной функции, как представляется, привело автора к *вынужденному решению* о делении следственной деятельности на *предварительную и судебную следственную деятельность* [1. С. 20]. Следуя данной логике, можно прийти к выводу, что там, где присутствует доказывание, там и есть следственная деятельность, в том числе и судебная.

Иными словами, доказывание, следственная деятельность и уголовное судопроизводство – равнозначные величины.

В связи с этим нельзя признать удачным приведение в качестве аргументации данных выводов характеристики *общих условий судебной следственной деятельности* [1. С. 298–313], где автор фактически рассматривает лишь систему и содержание *общих условий судебного разбирательства*. Это еще больше подтверждает аксиому, что любая деятельность в уголовном судопроизводстве и есть доказывание, которое автономно можно рассматривать в качестве функции только теоретически.

5. Одним из ярких научных выводов О.А. Чабукиани следует признать предложение *вывести следователя из тени исполнительной и судебной власти*. Как указывает автор, «для обеспечения объективного расследования следователь должен быть независим от органов исполнительной власти и суда, так как принадлежность к первым сохраняет элементы розыскного типа, второму – нарушает принцип публичности и превращает следователя в арбитра, осуществляющего сбор доказательств исключительно по инициативе сторон, а также ведет к совмещению функции формирования доказательств и юстиции» [1. С. 359].

В тексте диссертации находим: «Наилучшим решением вопроса об организационных формах раскрытия и расследования преступлений является сосредоточение всего следственного аппарата в СК РФ (последняя тенденция реформирования следствия сегодня), но с отдельными направлениями по расследованию преступлений каждого из ведомств... Но на данный момент такое реформирование в силу политической, экономической и социальной ситуации невозможно» [1. С. 86].

Вместе с тем в положениях, вынесенных на защиту, автор предлагает «обеспечить независимость и беспристрастность следователя, исключив его ведомственную принадлежность и видоизменив структуру Следственного комитета Российской Федерации, объединив в него имеющиеся следственные аппараты» [1. С. 27], а в заключении делает несколько противоречивый вывод: «учитывая специфику и сложность расследования отдельных категорий преступлений, принимая во внимание исторический национальный опыт построения следственного аппарата, в целях достижения состязательных элементов на предварительном расследовании и выделяя четвертую основную функцию по формированию доказательств, предлагаем сформировать *единый независимый следственный аппарат*, видоизменив структуру имеющегося Следственного комитета РФ. А

именно, выделив соответствующие подразделения при прокуратуре, при Федеральной службе безопасности и при Министерстве внутренних дел Российской Федерации» [1. С. 359].

При этом очевидны два вопроса. Во-первых, какой ветви государственной власти будет принадлежать реформированный следственный аппарат? Во-вторых, его организация возвращается к построению советского периода: следователи органов прокуратуры, следователи органов государственной безопасности и следователи органов внутренних дел? А какова роль Следственного комитета Российской Федерации?

6. Соискатель предлагает «реформировать стадию возбуждения уголовного дела, предусмотрев *полицейское расследование в форме дознания* и изменив поводы для начала производства предварительного расследования [1. С. 27, 341–344, 384]. Вместе с тем параграф 1 главы 3 диссертации, называющийся «Реализация процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела», фактически посвящен глубокому анализу средств доследственного производства, хотя начинается с характеристики *тактики предварительной проверки, осуществляемой следователем* [1. С. 217–269]. Возникает закономерный вопрос: входит ли доследственное производство в содержание следственной деятельности?

7. И последнее. По мнению автора, «теория следственной деятельности будет развиваться при каждой необходимости проведения реформ досудебного производства и судебного разбирательства, необходимости достижения конкретной модели уголовного судопроизводства» [1. С. 322, 339], с чем можно согласиться, но с оговоркой: *пусть необходимость проведения реформ досудебного производства опирается на теорию (концепцию или доктрину) следственной деятельности!*

Вместе с тем высказанные замечания в своей основе касаются исключительно дискуссионных вопросов, где особо ценна именно оригинальная авторская позиция, хотя и требующая в отдельных моментах дополнительной аргументации. Представляется, что ответы соискателя на поставленные в отзыве вопросы только украсят научную полемику и повысят уровень актуальности, новизны и оригинальности результатов представленного исследования.

Безусловно, высказанные соображения не влияют на положительную оценку подготовленной диссертации, которая является законченным, цельным монографическим исследованием сложной и важной в теоретическом и практическом отношении концептуальной проблемы.

Список источников

1. Чабукиани О.А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2022. 553 с. (на правах рукописи).

References

1. Chabukiani, O.A. (2022) *Teoriya sledstvennoy deyatel'nosti: ponyatie, funktsiy, puti sovershenstvovaniya* [Theory of Investigative Activity: Concept, Functions, Ways of Improvement]. Law Dr. Diss. Saint Petersburg. (Manuscript).

Информация об авторе:

Деришев Ю.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (Омск, Россия). E-mail: derishev.omsk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.V. Derishev, Dr. Sci. (Law), full professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Procedure, Siberian Law University (Omsk, Russian Federation). E-mail: derishev.omsk@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.03.2025;
одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.*

*The article was submitted 11.03.2025;
approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.*